

Синтаксические нули в теории грамматики¹

Zero Categories in Universal Grammar

Циммерлинг А. В. (meinmat@yahoo.com)

Московский государственный гуманитарный университет
им. М. А. Шолохова, Россия

В статье обсуждается статус нулевых элементов в теоретическом синтаксисе. В некоторых случаях введение синтаксических нулей является оптимальным инструментом описания трансформационных отношений между разными конструкциями. Сведение всех гипотетических нулевых местоимений финитного предложения к единому таксону 'pro' непродуктивно. Нулевые местоимения 1–2 л. регулярно обнаруживают свойства отличные от нулей 3 л. Нулевые подлежащие с ролевой семантикой Агенса могут сосуществовать с нулевыми подлежащими без выраженной ролевой семантики.

Правильно построенные структуры иногда могут порождаться и распознаваться носителями языка и в том случае, когда не все их звенья выражены эксплицитно. Это побуждает добавить в грамматику раздел, изучающий условия полной и неполной реализации синтаксических структур и свойства т.н. *нулевых категорий*, которые необходимы для порождения и распознавания синтаксических объектов, но могут быть лишены звуковой оболочки. По современным представлениям, общая грамматика включает операции трех типов — Объединения [поддеревьев] (Merge), Перемещения [поддеревья] (Move)² и Озвучивания (Spell-Out). В [Циммерлинг 2002: 21, 561] совокупность условий полной и неполной реализации синтаксических структур названа «теорией неполноты», что соответствует термину Spell-out. К компетенции теории неполноты относится выявление факторов, в силу которых эксплицитная реализация компонентов необязательна, затруднена или невозможна. Ключевую роль играют понятия эллипсиса (ellipsis) или стирания составляющей (deletion) и понятие нулевой категории (zero lexeme у И. А. Мельчука, empty category у Н. Хомского).

В прикладном синтаксисе нулевые элементы всегда соотносены с заданным набором конструкций. Введение в их представление «нулей» показывает, что данные конструкции порождаются при помощи таких правил, которые позволяют интер-

претировать отсутствие некоторой внешне выраженной категории (например, «подлежащего», или «Именной Группы», или «личного местоимения в имен.п.», или «связки») как результат операции по ее устранению из наличного состава высказывания³. Благодаря нулям соответствующие конструкции получают разметку, показывающую, как они порождены. Нулевые элементы повышают распознаваемость синтаксических структур и помогают решать одну из главных задач прикладной лингвистики — *парсинг* естественного языка. Чем больше нулей мы введем, тем больше конструкций мы потенциально сможем распознать. Но набор нулей нельзя расширять *ad libitum* — иначе обращаясь к каждому новому корпусу текстов и к каждому новому языку, мы будем получать все новые и новые разновидности нулевых категорий. Общая грамматика решает эту задачу, предлагая строго ограниченный (2–4 типа) набор нулевых таксонов и догматические критерии их определения. Ни одна из версий общей грамматики не основана на полном переборе множества языков мира. В связи с этим встают две проблемы. Во-первых, подгонять новый материал под заранее принятые таксоны нужно так, чтобы различия между нулевыми сущностями в пределах одного и того же таксона не превысили различия между нулями предположительно разного типа. Во-вторых, сами наборы нулевых таксонов в разных

¹ Статья написана при поддержке гранта РГНФ 09-04-00297 «Типология синтаксических ограничений».

² Мы не касаемся попыток сторонников Н.Хомского объявить операции Move и Merge реализациями одного общего механизма.

³ В [Holmberg 2005] предлагается считать, что часть нулей (PRO) соответствуют критерию «запрета на нулевой план выражения», а другая часть нулей (pro) соответствуют критерию «операцию по устранению элемента из некоторой синтаксической позиции».

версиях общей грамматики не совпадают, поэтому надо проверить, можно ли добавлять те или иные типы нулей в версии общей грамматики, отличные от той, где их изначально выдвинули. Наиболее известными теориями, прибегающими к понятию синтаксических нулей, остаются учение Ш.Балли об эллипсисе и нулевом знаке [Балли 1955: 175–181] и концепция четырех типов нулевых категорий, выдвинутая в рамках Теории Управления и Связывания Н.Хомского [Chomsky, Lasnik 1993: 518–523]. Необходимо рассмотреть также теорию И.А.Мельчука [Mel'čuk 1979] и ревизии хомскианской доктрины, выдвинутые сторонниками Минималистской Программы (Minimalist Program) в 2000-е гг., ср. [Sigurðsson 2008], [Holmberg 2005].

В естественном языке есть непустое пересечение между явлениями, относимыми к компетенции теории неполноты, и явлениями, относимыми к базовому компоненту синтаксиса, так как не все правила построения верифицируемы. А priori неясно, есть ли в итальянских предложениях типа ит. *Questo decisione non rende [e] felice*, букв. «Это решение не делает [кого-либо] счастливым», нулевое дополнение с генерическим значением, как утверждает Л. Риччи. Чем больше постулатов о свойствах правильно построенных структур содержит теория синтаксиса, тем сильнее она нуждается в критериях неполноты. Самая подробная теория нулевых категорий возникла в рамках доктрины Хомского, где принят постулат об изоморфности всех составляющих.

Понятие эллипсиса сугубо синтаксично: оно применимо лишь к тем объектам, которые состоят из синтаксических элементов низшего уровня, т.е. к предложениям и словосочетаниям. Понятие нулевого знака разработано структуралистами начала XX в. в связи с анализом грамматического значения: оно применимо как к морфологическим, так и к синтаксическим объектам. Р.О. Якобсон в статье 1939 г. показал, что нулевые словоформы и нулевые лексемы, т.е. элементарные знаки, имеющие означаемое, но лишённые означающего, могут быть выведены на основе тех же отношений между планом выражения и планом содержания оппозиций сложных синтаксических знаков, что и нулевые морфы и нулевые морфемы. Программа Якобсона была развита И. А. Мельчуком. Постулировав для предложений типа рус. *Улицу засыпали песком* нулевую лексему 3 л. мн.ч. со значением «люди», И. А. Мельчук признал ее нетождественной реальной лексеме *люди*, так как отсутствие материального подлежащего с генерическим значением дает в русском языке другой эффект, нежели употребление лексем *люди* или *кто-нибудь* [Мельчук 1995: 180, 184, 187]. Но если синтаксический нуль нигде не синонимичен материальному элементу, то критерий выделения нулевых лексем не соответствует определению нулевого знака по Балли как такого знака, который имеет «определенное значение и определенную

позицию» в синтагме, которую «можно заменить одной или несколькими синтагмами того же вида, где этот [знак] имеет эксплицитную форму». Поэтому попытка игнорировать разницу между нулевыми знаками в синтаксисе и в других уровнях репрезентации обречена на неудачу.

Понятие нулевых категорий в Теории Управления и Связывания держится не на постулате о знаковых свойствах элементов, но на несовпадении уровней репрезентации [Chomsky, Lasnik 1993: 518–523]. Четыре типа пустых категорий различаются значением признаков матрицы из двух столбцов [\pm анафоричность, \pm местоименность]. Один из четырех типов — нулевые местоимения (*pro*) [– анафоричность, + местоименность] — обобщает случаи опущения неанафорического подлежащего и частично соответствует нулевым лексемам Мельчука. Синтактика всех четырех типов — нулевых местоимений (*pro*), нулевых подлежащих вставленной предикации (*PRO*) [+ анафоричность, + местоименность], следов ИГ, устранимых в позиции повторной номинации [+ анафоричность, – местоименность], следов линейного перемещения [– анафоричность, – местоименность] вытекает из их места в структуре.

[– анафоричность, + местоименность]	Нулевые местоимения (<i>pro</i>)
[+ анафоричность, + местоименность]	Нулевые подлежащие вставленной предикации (<i>PRO</i>)
[+ анафоричность, – местоименность]	Следы ИГ, устранимые в позиции повторной номинации
[– анафоричность, – местоименность]	Следы линейного перемещения

Рис. 1

Различия между нулевыми лексемами по Хомскому и по Мельчуку не столь велики, чтобы отрицать сходство их теорий. В обоих случаях нули объясняют неполное соответствие разных уровней репрезентации, и это, по-видимому, единственный способ обоснования нулевых сущностей в синтаксисе. Неверно, будто теория Мельчука отказывается от уровневого подхода, при котором более глубокий (*n*-й) уровень интерпретирует отношения на *n+1*-м уровне организации языка. В теории Хомского нулевые категории возникают в силу наложения двух формально-синтаксических репрезентаций предложения, а у Мельчука интерпретирующим уровнем для поверхностного синтаксиса оказывается семантика предложения и его ролевая структура. По-существу, нулевые лексемы 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч. в предложениях рус. *Улицу засыпало песком* и *Улицу засыпали песком* в теориях Якобсона и Мельчука вводятся потому, что Якобсон и Мельчук признают в них предикат *засыпать песком* агентивным, а актант *улицу* — Пациенсом. Это побуждает

их рассматривать пары *Рабочие засыпали улицу песком* → *Улицу засыпали песком* и *Буря засыпала улицу песком* → *Улицу засыпало песком* как диатезные преобразования и постулировать для вторых членов пар «нулевой Агенс». Тем самым, ‘нули Мельчука’ есть ролевые сущности с приписываемыми им референтными свойствами, но этот факт замаскирован семиотическими соображениями. Нулевые категории Хомского — референциально-дейктические сущности без выраженной ролевой семантики, что признается открыто.

При обращении к материалу встают следующие вопросы:

- В каких синтаксических позициях возможны нулевые категории?
- Обязательна ли гипотеза о нулевых категориях?
- Можно ли вводить в описание одного и того же языка нулевые категории, выдвинутые с позиций разных теорий синтаксиса?
- Как дифференцировать разные типы нулей в одном и том же языке?

Первый вопрос должен решаться по-разному в прикладном и теоретическом синтаксисе. При создании синтаксического процессора и разметке анафорических связей может понадобиться введение нулей самых разных типов. С инженерной точки зрения полезно вводить разные нули для случаев эллипсиса, сочинительного сокращения, для предполагаемых подлежащих инфинитивных, причастных, деепричастных оборотов, для зависимых финитных: отсутствие точных помет только замедлит работу процессора и затруднит пользователю доступ к информации. Но удобство описания не является достаточным основанием для введения нулевых категорий в теоретическом синтаксисе: здесь надо доказать, что нулевые лексемы имеют ряд общих свойств с некоторыми ненулевыми синтаксическими элементами. Пока что такие доказательства были предложены для выражений двух типов — нулевых подлежащих и нулевых связей (ср. нулевую связку «быть» в наст.вр. изъявит. накл. в русском языке). Нулевые дополнения более эфемерны, так как их признание зависит от наличия структур, где отсутствие материально выраженного дополнения однозначно свидетельствует о том, что позиция дополнения сохранена, но заполняется нулевой лексемой. Гипотезы о нулевых подлежащих и нулевых связках тоже зависят от формализма (are theory-internal), но наличие позиций подлежащего и связки в языках мира в куда меньшей степени зависит от выбора предиката (переходный/непереходный и т.п.) и его синтактики.

Вопрос об альтернативах нулям поднят в работе Л. Бэбби [Babby 2002], которая посвящена проблеме введения нулевых подлежащих в структуру безличных предложений. Бэбби отрицает, что позиция подлежащего входит в валентную рамку глагола и что

глагол приписывает подлежащему какую-либо семантическую роль (theta-role). Бэбби отрицает также, что все предложения изоморфны и открывают позицию подлежащего; поэтому он не хочет вводить нулевые подлежащие для таких случаев, как рус. *лодку качает* или укр. *Вазу було розбито (вітром)*. Минусом такого подхода является отказ от вывода односоставных предложений из двусоставных (или наоборот). Если не прибегать к предположению о том, что продуктивные модели предложений сосуществуют в одном языке случайно, нужно обосновать механизм, который связывает употребления рус. *качать* и укр. *розбити* при материально выраженном подлежащим в имен.п., и при отсутствии такового. Именно это и предлагают теории нулевых подлежащих — от Пауля до Хомского. Это не бесспорное и не единственное решение — можно брать односоставные предложения за исходную точку и добавлять позицию подлежащего за счет особых правил. Но в любом случае отказ выводить одну конструкцию предложения из другой не является подлинной альтернативой гипотезе о нулевом подлежащем. Симптоматично, что Дж. Лавин, исследовавший те же факты, что и Бэбби, вновь ввел синтаксические нули [Lavine 2005]. Альтернативой введению нулей в представление предложений вроде *Вазу було розбито (вітром)* было бы признание ИГ *вазу* подлежащим в косв. п. (oblique subject), но эту возможность Лавин отклонил.⁴ Доказательство реальности нулевых подлежащих состоит в том, что они исключают некоторые другие типы выражений, которые способны занимать позицию подлежащего в том же языке. Этот подход апробирован на материале финского языка в [Holmberg 2005] и на материале русского языка в [Zimmerling 2008], где выделено несколько типов неканонических подлежащих, включая несогласуемое слово *это*.

Третий вопрос решается в зависимости от того, как моделируется теория. Поскольку нулевые лексемы Мельчука реально обосновываются несовпадением разных уровней репрезентации синтаксиса, непреодолимыми препятствиями для введения их в другие концепции, где используется представление об уровнях (этапах, фазах и т.п.) порождения предложения, в том числе — в Минималистскую Программу Хомского, нет, что мы пытались показать в [Zimmerling 2007]. Добавить новые виды нулевых категорий (следы и *pro*), можно и в модель «Смысл–Текст». То, что ни то, ни другое до сих пор не сделано, объясняется человеческим фактором.

⁴ Если синтаксические нули и некоторые аргументы в косв.п. имеют те же свойства, что и материально выраженные подлежащие, маркированные стандартным для данного языка способом, их нельзя произвольно соединять в пределах одного финитного предложения: надо либо постулировать для рус. *мне было холодно* нуль в позиции подлежащего, либо объявить подлежащим элемент *мне*, но не применять эти гипотезы одновременно.

Четвертый вопрос — догматический. Исходная матрица из двух столбцов [\pm анафоричность, \pm местоименность], дающая четыре типа нулевых категорий (*pro*, PRO, след линейного перемещения, след R-выражения), недостаточна для описания материала. Таксон *pro* используется для обозначения двух заведомо разных явлений — нулевых личных местоимений и гипотетических аналогов формального подлежащего, ср. дат. *Det er godt* «это хорошо» и исл. *Ø-er godt* «то же». Сама комбинация черт [+anaphoric, +pronominal], в 1980-е гг. постулированная Хомским для PRO, т.е. подлежащего контролируемого инфинитивного оборота, с точки зрения лингвиста выглядит странно, о чем его последователи решились сказать сейчас. Х. Сигурдссон пишет о том, что конструкты ‘anaphoric’ и ‘pronominal’ не есть собственно языковые признаки, так как за ними не стоят никакие синтаксические операции (they are not accessible or visible to syntax as objects or units) и они не поддаются семантической интерпретации (get no interpretation at the semantic interface). Сигурдссон предлагает считать, что PRO — референтная категория местоименного типа, имеющая морфологический падеж и согласовательные признаки (a *phi*-feature variable with morphological case), см. [Sigurðsson 2008a: 2]. Такая ревизия PRO превращает ее в аналог нулей, опирающихся на понятие означаемого. Другие теоретики стремятся свести PRO к рутинной процедуре вычеркивания кореферентных составляющих в матричной и вставленной клаузе: такой подход называется термином ‘movement theory of control’, ср. [Воецкx & Hornstein 2004]. Но movement theory of control, утверждающая, что PRO — просто стертый след (deleted copy), не объясняет свойства тех конструкций, для которых в свое время был предложен таксон PRO. Кроме того, вызывает вопросы само понятие «копирования», на которое опирается movement theory of control. Речь идет о попытке выдать инженерное решение за теоретический постулат и свести базовое понятие синтаксического перемещения (movement) к предположительно более простым операциям — присоединению поддеревьев (merge) и копированию (copying) с возможностью/невозможностью восстановления копии (reconstruction).

Утверждения, будто прогресс доктрины Хомского отменил понятия Перемещения и следа (trace), не стоит принимать буквально: перемещение поддерева (Internal Merge), моделируется как векторное преобразование ровно за счет введения следов, указывающих на первоначальное положение элемента, что признается в грамматиках Э. Стэблера, являющихся строгими моделями Минималистской Программы [Stabler 1997]. Но верно, что у сторонников Хомского отпала нужда приписывать следам разных типов разные категориальные свойства, в отличие от того, что Теория Управления и Связывания предписывала делать в 1980-е гг. А. Алексяду и А. Анаг-

настополу изучали связь между базовым порядком слов (SVO ~ SOV ~ VSO), параметром нулевого подлежащего по Л.Рицци и реализацией *pro*. Они возражают против практики объяснять порядок VSO как обращение порядка SVO с добавлением *pro* в предглагольную позицию (SVO → *pro* VSO) и принимают тезис, близкий к идеям упомянутого Э. Стэблера: они утверждают, что синтаксическая позиция подлежащего открывается перед глаголом лишь в том случае, когда в предикативном ядре предложения (узел AgrSP или IP, в позднейшей записи) есть сильная черта (strong nominal feature), требующая ее открытия [Alexiadou & Anagnostopoulou 1998: 501]. Языки с «нулевым подлежащим», по их мнению, порождаются в результате передвижения глагола (verb raising), который пересекает позицию подлежащего: такая операция возможна потому, что согласовательная морфология «сильна» и позволяет идентифицировать лицо и число подлежащего без вставки местоименного подлежащего (нулевого или ненулевого). Поэтому Алексяду и Анагстополу не постулируют начальное *pro* для языков с «нулевым подлежащим», хотя признают в них *pro* в других случаях. Рассмотренные ими строгие языки VSO, такие как арабский и ирландский, а также романские и балканские языки SVO → VSO с передвижением глагола и объектными клитиками, являются языками *pro-drop* в том классическом варианте, который принято называть «аргументными языками *pro-drop*» (argument *pro-drop*). Их особенностью является то, что опущенное местоимение 3 л. однозначно идентифицируется и в том случае, когда оно не является анафорическим и не восстанавливается с опорой на дискурс. Русский не является стандартным языком *pro-drop*. Фраза вроде *pro* пошел на лекцию легко интерпретируется в зн. 1 л. = «Я (ГОВОРЯЩИЙ) пошел на лекцию», с некоторой натяжкой — в зн. 2 л. = «Ты (СЛУШАЮЩИЙ) пошел на лекцию», а интерпретация в зн. 3 л. = «NN пошел на лекцию» исключена за пределами контекстов, где опущенное местоимение анафорично. Ср. диалог «<А. Где Ваня?> В. *pro*_i пошел на лекцию». Напротив, для таких языков как испанский или новогреческий интерпретация в зн. 3 л. = «NN пошел на лекцию» является дефолтной, а поиск антецедента нулевого местоимения в ближайшем линейном окружении не требуется.

В последовательных языках *pro-drop* сложились запреты на одновременное употребление личных местоимений и показателей предикатного согласования. Так, в русинском языке (диалект Воеводины), по данным У.Брауна, возможны фразы вроде *Добри =ε, Вон добри*, но не **Вон =ε добри*, где одновременно представлены клитика 3 л. ед.ч. =ε и личное местоимение 3 л. ед.ч. м.р. *вон*. Значение «Я член какой-л. организации», можно выразить по-русински и как *pro член = сом*, и как *я член*, но плеоназм **я = сом член* запрещен. Аналогично, значение «я не читал нечто»,

может быть выражено как при помощи фразы с нулевым личным местоимением — *я не читал*, так и при помощи фразы с клитикой — *не читал=сом*, но комбинация обоих маркеров согласования исключена: **я не читал=сом*, **я=сом не читал*, **я не=сом читал* [Browne 2008].⁵ Сходным образом устроен древненовгородский диалект XI-XV вв. В этих языках связка-клитика согласуется с подлежащим только в том случае, когда подлежащее внешне не выражено! Более эффективное доказательство существования *pro* трудно себе представить.

А. Алексяду и Е. Анагнастопулу верно переводят наблюдения типологов над особенностями языков VSO и SVO → VSO на метаязык Минималистской Программы, хотя некоторые их доктринарные решения скорее экстравагантны, чем доказательны: так, исследовательницы утверждают, что порядок SVO в балканских и южно-романских языках возникает за счет «клитизации подлежащего слева к глаголу» (clitic-left-dislocation). Этот тезис нужен, чтобы развести строгие VSO языки (-EPP/XP; +SpecTP в терминологии авторов) и языки SVO → VSO типа новогреческого (-EPP/XP; -SpecTP в их терминологии). В строгих VSO языках вроде арабского препозитивное подлежащее при порядке S || VO «топикализовано», т.е. занимает позицию SpecTP, а в SVO → VSO языках типа новогреческого порядок SVO не трактуется как топикализация (подлежащее не занимает SpecTP). Для теории нулевых категорий важен вывод о том, что постпозитивное подлежащее в строгих VSO языках остается за пределами ГГ (is VP-external), в то время как в SVO → VSO постпозитивное подлежащее остается в пределах ГГ и, предположительно, занимает узел SpecIP. Отсюда следует, что если нулевым местоимениям приписывается синтаксический статус подлежащего, их тоже следует помещать в узел SpecIP, по крайней мере, для SVO → VSO языков вроде новогреческого.

А. Хольмберг, который критикует Алексяду и Анагнастопулу за стремление ограничить применение *pro*, разделяет одно из допущений их анализа: он устанавливает позицию *pro* на основе позиций эксплетивных подлежащих вроде англ. *it*, *there*, которые он признает реализовавшимися нулями. По Хольмбергу, эксплетивы и коррелятивные им нули могут стоять либо в SpecTP, (SpecCP, в записи Хольмберга), либо в SpecIP. «Топикализованные» эксплетивы/нулевые формы, по его мнению, свойственны языкам типа исландского. Стоящая в SpecCP форма возможна в начале предложения, но заменяется нулем, если предфинитная позиция уже заполнена другим элементом. Проиллюстриру-

ем этот тезис Хольмберга собственными примерами, взятыми из фарёрских текстов: в (1) эксплетив *tað* сохраняется в начале предложения, в (2) он опускается в постпозиции глаголу.

- (1) фар. *Vit byrjuðu hesa greinina við at siga,*
 [_{CP} *at tað-Expl gongur-3Sg upp og niður*
í fiskivinnuni-DatPrepSg].
 «Мы начали эту статью с утверждения о том, [_{CP} что в рыболовстве дела идут то лучше, то хуже]», букв. «... [что это идет вверх и вниз»].
- (2) фар. *Í fiskivinnuni-DatPrepSg Ø-gongur-3Sg alltið upp og niður,*
 «В рыболовстве Ø-идет все время (то) вверх, (то) вниз».

В качестве образца *pro* и эксплетива, занимающих узел SpecIP, Хольмберг ссылается на ситуацию в финском языке. Здесь гипотетические нулевые местоимения и эксплетивы, как и в исландском и фарёрском языках, могут употребляться при одних и тех же предикатах, ср. грамматичные примера(3 а-б) при неграмматичном (3в)

- (3) фин. а. *pro* *Meni hullusti.*
went wrong
 «(дело) пошло плохо»
 б. *Sitä meni hullusti.*
EXPL went wrong
 «то же»
 в. **Meni nyt hullusti.*
Went now wrong

Неграмматичность порядка *V + Adv + AdvPred* в (3 в) объясняется не тем, что финский язык запрещает предложения с начальным глаголом — это не так, ср. (3а), а тем, что элемент, для которого типична роль темы, должен выноситься в предглагольную позицию: **Meni nyt hullusti* → *nyt_i meni t_i hullusti*. Если же такого перемещения не происходит, в предглагольную позицию вставляется эксплетив *sitä*, ср. (3б) или нулевое местоимение *pro* (3а). В отличие от фарёрского, *sitä* и другой эксплетив, *se*⁶ не устраниваются в постпозиции глаголу, например, в общих вопросах, см. (4).

- (4) фин. *Meni-kö sitä taas hullusti?*
Went-Q EXPL again awry
 ‘Дела что ли снова пошли плохо?’.

Как и эксплетивы в исландском и фарёрском, финское *sitä* возможно в двусоставных конструкциях, в том числе, при подлежащем в 1 и 2 л. и согласо-

⁵ В русинском языке допускается однократное употребление маркеров лица и числа во фразах типа *Барз=ε красни* ‘(Это) очень красиво/-ый’ или *Авто барз красни* ‘машина очень красивая’, но запрещается плеоназм типа **Авто=ε барз красни* «Машина очень красивая».

⁶ *Se* и *sitä* являются разными падежными формами одного и того же местоимения 3 л.

ванной форме глагола. В этом случае *sitä* допустимо как в предфинитной, так и в постфинитной позиции, что сближает его с употреблением несогласуемого слова *это*, ср. рус. *это мы с матерью пришли*. Однако фин. *sitä*, в отличие от рус. *это*, не может предшествовать тематическому подлежащему, если оба они вынесены перед глаголом: (5б) грамматично потому, что местоименное подлежащее *minä* «я» является ремой или фокусом контраста, в то время как для (5в) найти соответствующую коммуникативную интерпретацию, видимо, нельзя:

- (5) фин. а. *Sitä olen minä -kin käynit Pariisissa.*
EXPL have-1Sg I-too visited Paris-INE
'Я действительно тоже бывал в Париже'
б. *Minä sitä olen käynit Pariisissa.*
'И я бывал в Париже (представь себе)' / 'Я-то бывал в Париже'.
в. **sitä minä olen käynit Pariisissa.*

Подобные факты дают основания трактовать фин. *sitä* не столько как подлежащее, сколько как «формальную тему», но Хольмберг эту возможность отвергает, настаивая на том, что тема или «топик» имеет строго определенные линейные позиции в финском предложении. Последний тезис требует проверки, но ясно, что часть запретов на употребление *sitä* стоит объяснять синтаксически. Так, финский допускает опущение личных местоимений 1 и 2 л. при согласуемой форме глагола, что оправдывает гипотезу о *pro*, но при этом запрещает вставку эксплетива как при внешне выраженном, так и при опущенном местоимении 1 и 2 л., ср. (6а–б) и (7а–б)

- (6) фин. а. **Sitä puhun englantia.*
EXPL speak-1Sg English
Букв. **«это говорю по-английски»*.
б. **Sitä minä puhun englantia.*
EXPL I speak-1Sg English
Букв. **«это я говорю по-английски»*.
(7) фин. а. *Oletteko (*sitä) käyneet Pariisissa?*
Have-2Pl-Q EXPL visited Paris-INE
Букв. «Бывали-ли-вы (*это) в Париже?»
б. *Oletteko te (*sitä) käyneet Pariisissa?*
Have-2Pl-Q you EXPL visited Paris-INE
Букв. «Бывали-ли-вы вы (*это) в Париже?»

Эти данные свидетельствуют о том, что вставка фин. *sitä* приурочена к определенным позициям, но они не дают ответа, каков в действительности статус *sitä* — подлежащее или маркер темы, так как все формальные запреты одновременно влекут за собой некоторые коммуникативные ограничения. Если сопоставить финские предложения с русскими, где, как и в финском, опущение тематических местоименных подлежащих возможно лишь в 1–2 л., но не в 3 л., мы увидим, что русские аналоги (6а),

(7а–б) исключены полностью — ср. рус. **это говорю по-английски*, **бывали ли это в Париже?* и *бывали ли вы это в Париже?*⁷, а русские аналоги (6б) возможны лишь при определенном чтении, ср. *это √ √ Я говорю по-английски* (местоимение «я» является фокусом контраста) √ *это √ √ Я говорю по √ √ Английски* (коммуникативно нерасчлененное предложение), но неуместны при других. Грамотные носители русского языка назовут предложения рус. *говорю по-английски* и *бывали ли в Париже?* «двусоставными неполными»; многие согласятся, что в иной системе терминов этот результат можно записать, как *pro говорю по-английски*. Но отсюда вовсе не следует, что пример **это говорю по-английски* аномален потому, что слово *это* (чей статус в качестве грамматического подлежащего еще нужно доказать) стоит в той же позиции, что *pro* (которое гипотетически отличается от результата эллипсиса русских личных местоимений *я/ты/мы/вы*, что также еще нужно доказать). Предпосылкой для употребления несогласуемого безударного ситуативного слова *это* является его референция к ситуации, названной в предтексте или существующем в экстралингвистической реальности и имплицитно некоторую логическую связь между текущей и внешней ситуацией, ср. <Тиге! > *Это √ √ Анатолий Сергеевич звонит*. Нет причин думать, что в языках, где употребление ситуативных слов более грамматикализовано, чем в русском, их вставка производится по автономным от коммуникативного синтаксиса причинам. Примеры Хольмберга на вставку *sitä* в финские предложения с глаголом в 3 л. и эксплицитно выраженным подлежащим и дополнением не рассеивают этого ощущения. Сам Хольмберг приводит (8а–г) в доказательство того, что финский язык удовлетворяет ограничению «глагол на втором месте от начала предложения» (Verb-Second-Constraint, V2), в силу чего якобы запрещается порядок VSO с начальным глаголом (8а), но разрешается порядок *Expl+V+S+O*, где инверсия глагола и подлежащего компенсируется. Больше оснований заключить, что финский язык не допускает коммуникативно-расчлененные на тему и рему предложения с начальным глаголом и двумя именованными аргументами⁸: если ни один из актантов, способных играть роль темы, не перемещается в предглагольную позицию, ср. (8б) и (8в), вставляется эксплетив *sitä* (8г):

- (8) фин. а. **Leikki lapsia kadulla.*
Играют-3Pl дети-PAR улица-INE
б. *Kadulla leikki lapsia.*
улица-INE играют-3Pl дети-PAR 'Дети играют на улице'

⁷ Мы исключаем чтения, где *это* является междометием.

⁸ Возможно, также и коммуникативно-нерасчлененные предложения с начальным глаголом. Русский язык соответствующие предложения разрешает.

- с. Lapsia leikki kadulla.
 дети-PAR играют-3P1 улица-INE 'то же'
 г. **Sitä** leikki lapsia kadulla.
 EXP играть-3P1 дети- PAR улица-INE
 'то же'

Финский язык разрешает предложения с начальным глаголом, ср. (3а): если кто-либо скажет, что примеры вроде (3а) *pro* meni hullusti удовлетворяют параметру V2, поскольку перед глаголом *meni* стоит нулевая категория *pro*, возникнет порочный круг. Как бы ни обозначать позицию *pro* (SpecIP vs SpecCP), ограничения типа германского V2 устанавливаются сопорой на эксплицитно выраженные категории: иначе бы не было никакой разницы между аномальным примером (8а) **pro* leikki lapsia kadulla и грамматичным примером (8г) **Sitä** leikki lapsia kadulla — и теоретики имели бы повод заявить, что ИГ *lapsia* «дети», стоящая в постпозиции глаголу *leikki*, в обоих случаях не является подлинным подлежащим.

Фин. *sitä* можно определить как эксплетивное слово со статусом темы и ситуативной референцией: оно может занимать аргументные позиции, хотя его статус в предложениях с согласованной формой предиката требует уточнения. Нет оснований считать его материализацией *pro* или какой-либо иного нуля; рискованно также определять место *pro* в дереве предложения с опорой на дистрибуцию *pro*, и наоборот. Анализ А. Хольмберга пробуждает скепсис в плане того, что все рассмотренные случаи употребления гипотетических нулевых местоимений подводимы под единый таксон *pro*. В его изложении сюда попадают как случаи эллипсиса референтных местоимений

1 и 2 л., так и употребления ситуативных местоимений 3 л., предположительно коррелятивных эксплетивам *se* и *sitä* (которые при определенных условиях сочетаются с ненулевыми местоимениями 1 и 2 л., что дополнительно запутывает ситуацию). Можно усомниться и в том, что финский (а также русский) вообще являются «языками с нулевым подлежащим». Как отмечалось выше, в 3 л. опущение неанфорического местоименного подлежащего в этих языках невозможно, что заставляет отнести оба языка к классу языков с «дискурсивным опущением *pro*», а не к классическим языкам с «аргументным опущением *pro*» (ср. испанский, греческий, сербохорватский, русинский, древненовгородский и т. д.).

Попытка А. Хольмберга демонстрирует те трудности, которые возникают, если за основу взять «дискурсивное опущение местоимений», а полученные таким путем критерии *pro* распространить на конструкции, где нулевые элементы имеют нетривиальные синтаксические свойства (связанные с ролевой семантикой, референцией и выбором определенной граммы лица и т. д.). Если такой подход чреват трудностями даже в языке с богатым согласованием, есть опасения, что понятие «дискурсивное опущение местоименных подлежащих» окажется фикцией для многочисленных языков, где согласование между подлежащим и сказуемым отсутствует.

И. А. Мельчук в 1979 г. предложил программу, близкую к тому, что сейчас называется «argument pro-dgor». Он настаивает на том, что 1) нулевые подлежащие следует вводить лишь в том случае, если глагольная форма имеет внешне выраженное согласование; 2) нулевую лексему можно постулировать

Структуры с субъектно-предикатной связью и согласованием		
Pro	I. Фин. (<i>Minä</i>) puhun englantia. Рус. (<i>Я</i>) говорю по-английски.	I. Фин. (<i>Me</i>) puhumme englantia. Рус. (<i>мы</i>) говорим по-английски.
Pro	II. Фин. (<i>Sinä</i>) puhut englantia. (<i>Ty</i>) говоришь по-английски	II. Фин. (<i>Te</i>) puhutte englantia. Рус. (<i>Вы</i>) говорите по-английски.
*	III. Фин. (* Hän) puhuu englantia. Рус. (* Он/она) говорит по-английски.	III. Фин. (* He) puhuvat englantia. Рус. (* Они) говорят по-английски. ⁹
Корреферентное сокращение во вставленном предложении NP1 = NP2	I-III. Фин. Pekka _i väittää [että Ø _i /hän _i puhuu englantia]. 'П. считает, [_{CP} что (он) говорит по-английски].' Рус. Я считаю/ты считаешь/Петр ₁ считает [_{CP} что ?(я) говорю/, (ты) говоришь/(он _i) говорит по-английски].	
Структуры с нулевым/эксплетивным элементом, без согласования с предикатом		
Ø ^{3sg} ~ EXPL	Маркер безличного предиката: фин. Ø ^{3sg} meni hullusti; Nyt Ø ^{3sg} / se taas sataaa 'Теперь снова идет дождь'. Рус. Ø ^{3sg} плохо подвигается; Ø ^{3sg} (* оно) морозит, светает.	
Ø ^{3s} ~ EXPL	Коррелятивный маркер CP: Фин. Ø ^{3s} / Se _i oli hauska [_{CP} että tulit käymään] _i '(Это _i) Приятно, [_{CP} что вы пришли навестить] _i '. Рус. Ø ^{3s} / Это _i странно, что [[_{CP} что он опоздал]] _i . (* Это _i) мне странно, что [[_{CP} что он опоздал]] _i .	

Рис. 2. «Дискурсивное опущение местоимения» и нулевые формы

⁹ В таблице не учтены неопределенно-личные предложения вроде так говорят по-английски, для которых в теории И. А. Мельчука предусмотрена особое нулевое подлежащее ØPeople (нулевой нереферентный Агенс).

только в том случае, если она вносит в представление высказывания информацию, которая не сигнализируется какой-либо ненулевой формой; 3) каждая постулированная нулевая лексема должна иметь специфические ролевые и референтные свойства, которые не дублируются в полном объеме какой-либо другой лексемой, ненулевой или нулевой. Концепция Мельчука в полном объеме апробирована лишь на материале современного русского языка; альтернативы ей и границы ее применения в типологии обсуждаются в [Zimmerling 2007], [Zimmerling 2008], [Циммерлинг 2008]. Здесь нас интересуют следствия принятия анализа Мельчука для русского языка и языков с близкими морфосинтаксическими параметрами. Напомним, что Мельчук ввел два разных нуля для 3 л. ед. ч. и мн. ч. в позицию подлежащего в те конструкции, которые в русистике называют неопределенно-личными, ср. (9) и безличными, ср. (10). Оба нуля имеют генерическое значение и роль Агенса, но нуль 3 л. мн.ч. ($\emptyset^{\text{people}}$ в записи Мельчука) сигнализирует контролируемое и умышленное действие, производимое одушевленным Агенсом, а нуль 3 л. ед.ч. ($\emptyset^{\text{elements}}$ в записи Мельчука) — неконтролируемое действие, производимое природной силой:

$\emptyset^{\text{people}}$ [[Vf.3.Pl]; + умышленное действие]	$\emptyset^{\text{elements}}$ [[Vf.3.Sg]; — умышленное действие]
(9) Улиц-у засыпал-и песк-ом.	(10) Улиц-у засыпал-о песк-ом.

Рис. 3. Нулевые лексемы с ролевой семантикой в модели «Смысл — Текст»:

Если пойти дальше и поставить вопрос о морфологии $\emptyset^{\text{people}}$ и $\emptyset^{\text{elements}}$, их можно признать нулевыми неопределенными местоимениями 3 л. в им. п. [Zimmerling 2008]. $\emptyset^{\text{people}}$ and $\emptyset^{\text{elements}}$ обладают рядом синтаксическим свойств, общих с ненулевыми подлежащими русского языка: они контролируют и определяют по крайней мере три черты — согласование глагола в числе и роде (3Sg.Neut. для $\emptyset^{\text{elements}}$ и 3Pl. для $\emptyset^{\text{people}}$), рефлексивизацию и присоединение деепричастного оборота, ср. (11) и (12).

Контроль за рефлексивизацией	Контроль деепричастного оборота
(11) В <i>своём</i> _i доме $\emptyset^{\text{people}}$ _i обычно не гад-ят	(12) Пиратскими <i>дисками</i> $\emptyset^{\text{people}}$ _i <i>торгуют</i> в Лужниках, [_{IP} PRO _i <i>обеспечивая</i> _i <i>всех москвичей</i>] ¹⁰ .

Рис. 4. Нулевые лексемы как контролеры подлежащих свойств

¹⁰ Мы добавили PRO в позицию подлежащего вставленного деепричастного оборота и отметили его кореферентность лексеме $\emptyset^{\text{people}}$ в главном предложении. В рамках самой модели «Смысл — Текст» такая запись не нужна.

В древнерусском языке то значение, которое в русском выражается неопределенно-личными конструкциями в глаголом в 3 л. мн. ч. (ср. лексему $\emptyset^{\text{people}}$ Мельчука), выражалось безличной конструкцией с глаголом в 3 л. ед.ч., как показал Й. Зубаты [Zubáty 1954]. Б. Гавранек указал, что в древних славянских языках не было четкого деления глагольного словаря на «личные» и «безличные» лексемы, так как позицию подлежащего можно было устранить вообще при любом предикате [Havránek, 1962]. Такое состояние обнаруживается непосредственно, либо восстанавливается из сопоставления разных временных срезов. Так, др.рус. пример (13а) из «Слова о Полку Игореве» был уже непонятен переписчику, который исправил его, вставив возвратную частицу ся: тем самым, он создал двусоставное предложение с ИГ *гласъ* в позиции внешне выраженного подлежащего в имен. п., ср. (13б).

Конструкция с нулевым подлежащим	Грамматическое подлежащее в имен. п.
(13а) На Дунаеви Ярославнынь <i>гласъ</i> = Acc Sg \emptyset^{3Sg} слышитъ	(13б) На Дунаеви Ярославнынь <i>гласъ</i> = Nom Sg слышитъ ся.
“[One can hear] Yaroslavna’s voice at Danube”	“Yaroslavna’s voice can be heard at Danube”

Рис. 5

В этих условиях подход Мельчука необязателен — каждую глагольную вокабулу легко представить в виде пары лексем, ср. др. рус. *слышитъ* 3Sg {a)“(someone) hears”, b) “they hear”, “one can hear”}. Но если вводить нулевые подлежащие с ролевыми свойствами, достаточно единственной нулевой лексемы \emptyset^{3Sg} со значением «УСТРАНЕННЫЙ СЕМАНТИЧЕСКИЙ СУБЪЕКТ». В современном русском $\emptyset^{\text{people}}$ и $\emptyset^{\text{elements}}$ имеют роль Агенса, но в других языках, как в древнерусском, возможны и нулевые нереферентные местоимения с ролью Экспериментера и прочими неагентивными ролями.

Нулевые и формальные подлежащие могут иметь разные свойства даже там, где они связаны отношением генетической преемственности. В ряде языков конструкции с нулевыми подлежащими были перестроены за счет добавления формальных слов, (ср. Eng. *It, there*, Fr. *Il*, Ge. *es*, Da. *det, der*), причем последние унаследовали синтактику нулевых подлежащих [Циммерлинг 2002, 571–600; 634–664]. Заманчиво трактовать эксплетивы как ‘материализовавшиеся нули’. Такой анализ годится для финитных схем с глаголом в 3 л. акт. залога, но конструкции с причастием и эксплетивом нередко запрещают ‘пассивизацию’ непереходных глаголов действия (ср. значения “COME”, “GO”, “DANCE”), но разрешают ‘пассивизацию’ стативных глаголов (ср. значение “SEE”). Те же самые глаголы ранее допускали безличный пассив с нулевым подлежащим:

	+ Нулевое подлежащее: – Нулевое подлежащее.	– Нулевое подлежащее, + эксплетивное подлежащее.
Языки	Древнеисландский	Датский, шведский, норвежский
Стативы: (– активность)	Var=3Sg <i>sofit</i> =Sup <i>lengi</i> «спали долго», букв. «было спавши долго»	Норв. <i>Det</i> =Expl <i>blev</i> =3Sg <i>sovet</i> =Sup <i>lenge</i> <i>hver morgon</i> , букв. «Это было спавши долго каждое утро»
Глаголы движения: (+ активность)	Var=3Sg <i>til dura gengit</i> =Sup. Букв. «было пойдено к дверям» Var=3Sg <i>komit</i> =Sup <i>spemma</i> букв. «пришедши рано»	Норв. * <i>Det</i> =Expl <i>blev</i> =3Sg <i>kommet</i> =Sup, букв. * «Это было пришедши»; * <i>Det</i> =Expl <i>blev</i> =3Sg <i>fart</i> =Sup букв. «Это было поехано»

Рис. 5 Нулевое подлежащее и эксплетивное подлежащее в скандинавских языках

Может ли нулевое подлежащее иметь морфологический падеж? Для русских $\emptyset^{elements}$ и \emptyset^{people} , вводимых в модели «Смысл — Текст», ответ положительный, для *pro* — отрицательный. Мы уже отмечали, что существуют теории (большого) PRO, где данной категории приписывается падеж, причем не абстрактный, а морфологический. Иногда уместно постулировать два разных нуля в двух связанных между собой схемах с ядерным актантом в одном и том же падеже, если их ролевая семантика различна. Ровно это имеет место в современном исландском языке, где, руководствуясь критериями Мельчука, надо вводить два разных нулевых местоимения 3 л. ед. ч. в двух сходных дативных схемах:

Неодушевленный Агнс, {–CONTROL}	Одушевленный агнс {±CONTROL}
Глагольно-безличная конструкция:	Безличный пассив:
<i>Bátnum</i> =DatSg \emptyset^1 - <i>hvolfdi</i> =3SgPret «лодку опрокинули», букв. «лодке опрокинул(о)».	<i>Bátnum</i> =DatSg \emptyset^2 - <i>var</i> =3SgPret <i>hvolft</i> =Sup букв. «лодке опрокинул(о)».
* <i>Bátnum</i> =DatSg \emptyset^1 - <i>hvolfdi</i> =3SgPret <i>viljandi</i> букв. *«лодке опрокинул(о) умышленно».	<i>Bátnum</i> =DatSg \emptyset^2 - <i>var</i> <i>hvolft</i> =Sup <i>viljandi</i> , букв. «лодку опрокину- то умышленно».

Рис. 6. Два типа нулевых агентивных лексем в исландском языке

То различие, которое исландский выражает противопоставлением глагольных и причастных схем, выражается в русском двумя глагольными схемами с разными нулевыми местоимениями, ср. аномальный пример **лодку* $\emptyset^{elements}$ *опрокинуло умышленно* с грамматичным примером *лодку* \emptyset^{people} *опрокинули умышленно*. Различение финитных/нефинитных схем, схем с глаголом в 3 л. мн. ч. /3 л. ед. ч. оказывается лишь аспектом синтаксической техники, кодирующей одно и то же семантическое противопоставление, что косвенно свидетельствует о реальности нулевых подлежащих с ролевой семантикой.

Можно ли одновременно выделять нескольких местоименных нулей, часть которых имеет ролевые

свойства, а часть нет? Современный исландский и фарёрский дают шанс это проверить. А. Хольмберг и К. Платцак относят эти языки к языкам с нулевым подлежащим, где Согласование и Падеж «сильные», в терминах Минималистской Программы [Holmberg & Platzack 1995]. Исландский и фарёрский имеют эксплетивные местоимения 3 л. р. (исл. *það*, фар. *tað*), но они факультативны: предикатов, которые требовали бы эксплетивов при любом порядке слов, нет. При этом вставка *það/tað* возможна лишь в одном классе исландских и фарерских предикатов. Вставка исл. *það* запрещена при таких глаголах как исл. *lægja* «сходить на нет» или *slota* «успокаиваться». Ср. исл. *vindinn*-AccSg \emptyset -*lægir*-3Sg «ветер стихает», но не **það*-Expl *lægir vindinn*; исл. *veðrinu*-DatSg \emptyset -*slotaði*-3Sg, но не **það*-Expl *slotaði veðrinu*. Значение «Пациенту хуже» можно выразить по-исландски как в схеме с *það*, ср. *það*-Expl *dregur*-3Sg *stöðugt af sjúklingunum*-Dat.Prep. букв. «Это тащит постоянно из больного», так и в схеме, запрещающей вставку *það*, ср. *sjúklingunum*-Dat. Sg. \emptyset -*hrakar*-3Sg, букв. «больному худшает». Нельзя лишь произвольно варьировать эти схемы при одном и том же предикате.

Применив общий таксон для случаев опущения *það/tað* в классе глаголов типа *draga*, и для случаев, где *það/tað* вообще нельзя вставить (ср. глаголы типа *hraka* type), мы проигнорируем разницу между двумя совершенно разными классами предикатов и синтаксическими схемами. Исландский и фарерский в разных классах предикатов используют оба вида нулевых категорий — и *pro*, и «нули Мельчука». Эти языки лексикализовали употребление нулевого подлежащего \emptyset^{3sg} в классе *hraka*: класс *hraka* семантически задан и включает только глаголы действия и процесса, но не глаголы других групп. Тем самым, нулевое местоимение \emptyset^{3sg} отлично от *pro* и имеет следующие ролевые и референтные свойства: {+Агнс; –Референтность; –Одушевленность}. Класс *draga* является открытым, поэтому употребление *pro* и *það/tað* в исландском и фарерском не обусловлено выражением какой-либо ролевой семантики.

В свете выявленных различий между *pro* и «нулями Мельчука» стоит оценить гипотезу о наличии в русском нулевой лексемы 2 л. ед. ч. \emptyset^{2sg} , нетождественной эллипсису местоимения *ты*: напомним,

что эллипсис личного местоимения, по крайней мере, в нотации Хольмберга, квалифицируется как *pro*. Если ограничиться материалом, который привел сам автор, ср. рус. *Его не переспоришь, Идешь, бывало, по Бродвею* [Мельчук 1995: 187], то ни интуитивных, ни формальных оснований признавать \emptyset^{2Sg} нет, так как эксплицитно выраженное местоимение *ты* тоже часто употребляется в генерическом значении. Но в русском есть две конструкции, которые побуждают ввести нуль (нули) 2 л.: это т. н. коррелятивные предложения типа рус. *Как посеешь, так и пожнешь* и структуры с вторичной предикацией типа рус. *Такое обучение не сделает [$\emptyset^{2Generic}$] умным/умными/умной, Пластический хирург не сделает [$\emptyset^{2Generic}$] красавцем*. Русский запрещает коррелятивные предложения в 3 л. с *pro*, ср. (14а) и требует эксплицитно выраженного ненулевого местоимения в левой части коррелятивного комплекса, ср. (14б); в правой части *pro* допустимо (14в), хотя оно и необязательно.

- (14) а. * [pro_i ищешь]_i, pro_i всегда найдет; * [pro_i что болит]_i, pro_i о том и говорит.
 б. [$Кто_i$ ищешь]_i, $том_i$ всегда найдет. [$У$ кого_i что_j болит]_i, $том_i$ о том_j и говорит.
 в. [$Кто_i$ ищешь]_i, pro_i всегда найдет. [$У$ кого_i что_j болит]_i, pro_i о том_j и говорит.

Это является серьезным основанием вводить лексему $\emptyset^{2Generic}$ в представление примеров вроде (15а), (16а) тем более что в правой части $\emptyset^{2Generic}$ не может заменяться эксплицитно выраженным генерическим местоимением *ты*, ср. аномальные примеры (15б) и (16б):

- (15) а. [$\emptyset^{2Generic}_i$ Ищешь в чужом государстве]_i, [$\emptyset^{2Generic}_i$ / pro_i находишь в своем болоте].
 б. * [$\emptyset^{2Generic}_i$ Ищешь в чужом государстве]_i, [$ты_i$ находишь в своем болоте].
 (16) а. [$\emptyset^{2Generic}_i$ как посеешь]_i, [$\emptyset^{2Generic}_i$ / pro_i так и пожнешь].
 б. * [$\emptyset^{2Generic}_i$ как посеешь]_i, [так $ты_i$ и пожнешь].

Неясно, следует ли признать для русского языка одно или два нулевых местоимений 2 л. С одной стороны, $\emptyset^{2Generic}$ в коррелятивных предложениях указывает на форму имен. п. ед. ч., а в конструкциях со вторичной предикацией генерическое местоимение 2 л. стоит в вин. п. и может принимать формы всех родов и чисел. С другой стороны, введение единого нулевого генерического местоимения 2 л., способного при-

нять формы имен. п./вин. п. обоих чисел, но не другие падежные формы, кажется меньшим злом для грамматической теории, чем признание синтаксического нуля, специализированного в функции дополнения¹¹. Доказательство того, что в конструкциях со вторичной предикацией реализуется именно $\emptyset^{2Generic}$, а не эллипсис (*pro*-форма) генерического *ты*, представляет дистрибуция обсуждаемых местоимений, так как эксплицитно выраженное генерическое *ты* согласуется по роду и полу с полом реального референта: пример (17) с нулевым местоимением 2 л. уместен и в том случае, если референт является мужчиной, а пример (18) в этой ситуации звучит аномально.

- (17) *Пластический хирург не сделает $\emptyset^{2Generic}_i$ {M/F; Sg} красавицей_i {F; Sg}*.

- (18) *Пластический хирург не сделает $тебя_i$ {F; Sg} красавицей_i {F; Sg}*.

Подведем промежуточные итоги. Лучший способ проверить реальность синтаксических нулей состоит в обращении к типологии, но типология нулевых элементов еще не создана. Сведение всех нулевых местоимений финитного предложения к общему таксону *pro* непродуктивно; дискурсивное опущение личных местоимений, кореферентное сокращение местоимений и запреты на эксплицитное выражение местоименных подлежащих — три разные механизма. Возможности дальнейшей классификации нулевых местоимений связаны с различием нулевых подлежащих, имеющих ролевую семантику (ср. ‘нули Мельчука’), и лишенных ее, а также местоимений, привязанных и непривязанных к определенным граммемам лица: часть нулевых местоимений 3 л. имеет признаки, не свойственные местоимениям 1–2 л. и нулевым местоимениям, принимающим формы разных лиц. Возможно семантическое противопоставление нулевых местоимений 3 л. ед. ч. и 3 л. мн. ч., но те же значения могут быть выражены и с помощью другой комбинации нулевых категорий. Часть нулевых местоимений охарактеризована в плане падежа и рода, что связано не с семантикой, а с согласовательными ресурсами конкретного языка. Нулевые местоимения с ролевой семантикой Агенса и без нее могут сосуществовать при разных классах предикатов.

¹¹ Структурный вин. п. и имен. п. коррелятивны, а актант в вин. п. в структурах со вторичной предикации естественно квалифицировать как подлежащее вставленного предложения.

Литература

1. *Alexiadou A. & Anagnostopoulou E.* 1998. Parametrizing AGR: Word Order, V-movement and EPP-checking // *Natural Language and Linguistic Theory* 16: 491–539.
2. *Babby L.* 2002. Subjectlessness, External Subcategorization, and the Projection Principle // *Journal of Slavic Linguistics*. 10: 341–88.
3. *Boeckx C. & N. Hornstein.* 2004. Movement under Control // *Linguistic Inquiry* 34, 269–280.
4. *Browne* 2008. Clitic Ordering in Vojvodina Rusinski // *Slavic Linguistic Society* 3, Ohio June 10–12, 2008.
5. *Chomsky N., Lasnik H.* 1993. Syntax in generative Grammar // *Syntax: An International Handbook of Contemporary Research* / J. Jacobs, A. von Stechow, W. Stermfeld, T. Venneman, eds. Berlin & New York, Walter de Gruyter, 506–569.
6. *Gilligan, Gary M.* 1987. A cross-linguistic approach to the pro-drop parameter. Univ. of Southern California PhD.
7. *Havránek B.* 1962. K historickosrovnávacímu poznání syntaxe slovanských jazyků // *Otázky slovanské syntaxe*. Praha.
8. *Holmberg, Anders.* 2005. Is there a little pro? Evidence from Finnish. *Linguistic Inquiry* 36, 533–564.
9. *Holmberg A. & C. Platzack.* 1995. The Role of Inflection in Scandinavian Syntax. N.Y: Oxford UP.
10. *Jaeggli O., Safir K.* (eds.) 1989. The null subject parameter. 1989. Dordrecht, Foris.
11. *Lavine J.* 2005. The morphosyntax of Polish and Ukrainian –no/-to // *Journal of Slavic Linguistics* 13: 75–117.
12. *Mel'čuk I.* 1979. Syntactic, or Lexical Zero in Natural Language // *Proceedings of the Berkeley Linguistic Society*. Berkeley: UCB, 224–260.
13. *Rizzi L.* 1986. Null subjects in Italian and the Theory of pro. L. 501–557.
14. *Sigurðsson Halldór Ármann.* 2008. Conditions on argument drop — in press.
15. *Sigurðsson Halldór Ármann.* 2008a. The Case of PRO // *Natural language and linguistic Theory* — in press.
16. *Stabler, E. P.* 1997. Derivational minimalism. In Christian Retore, ed., *Logical Aspects of Computational Linguistics*. Springer, p. 68–95.
17. *Zimmerling A.* 2007. Zero Lexemes and Derived Sentence Patterns. *Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 69*.
18. *Zimmerling A.* 2008. Dative Subjects and Semi-Expletive Pronouns in Russian // *Formal Description of the Slavic Languages, FdSL 7* / U. Junghanns, L. Szucsic, G. Zybatow (eds) — in press.
19. *Zubáty J.* 1954. Studie a články, II. Praha.
20. *Мельчук И. А.* 1995. Русский язык в модели Смысл ↔ Текст. Москва-Вена: Языки русской культуры. (*Wiener Slawistischer Almanach, Sonderband 39*).
21. *Циммерлинг А. В.* 2002. Типологический синтаксис скандинавских языков. Москва.
22. *Циммерлинг А. В.* 2008. Нулевые лексемы в синтаксисе: догматика и типология. *Acta linguistica Petropolitana IV, part 2*. Санкт-Петербург, 2008, 226–244.